

Глава 19

День рождения

Тётушка Чэнь пришла ещё до рассвета. В деревне её все звали так по фамилии мужа.

Услышав шум, Чу Гуан вышел отпереть ворота. Шэнь Сюнян тоже накинула платье и поспешила во двор. Хоть заботы о праздничном столе и переложили на плечи приглашённой помощницы, хозяевам не пристало оставаться в стороне — нужно было подсобить, чтобы дело спорилось и сторонний человек не чувствовал себя не в своей тарелке.

Матушка Чу, чей сон в почтенном возрасте стал совсем чутким, тоже порывалась встать и помочь, но сын с невесткой мягко удержали её. Где это видано, чтобы именинница в свой праздник у плиты хлопотала?

Пока в одной комнате шли уговоры, в другой уже поднялся Чу Цы.

— Матушка, отдохайте, — твёрдо сказал он. — И невестке лучше прилечь. Мы с братом сами со всем управимся.

Семья ещё немного поспорила, но в итоге мужчины настояли на своём, и Чу Цы с братом отправились на кухню.

— Сючай Чу, и вы туда же? — удивилась тётушка Чэнь, завидев юношу. — Кухня — место грязное, разве вы, книжники, не твердите на каждом шагу: «Благородный муж держится вдали от кухни»?

Муж тётушки Чэнь тоже считался грамотеем. Старый туншэн, так и не сумевший продвинуться в учении, он целыми днями просиживал над книгами, бубня изречения Конфуция. Стоило жене попросить его о помощи, как он тут же прикрывался этой фразой о благородном муже, напуская на себя такой важности, что домашние только рты раскрывали.

Чу Цы таких людей не жаловал.

«Сначала их кормят родители, в зрелости — жёны, а в старости — дети, — размышлял он. — Вся жизнь проходит, а толка — ни на грош».

Напротив, к таким сильным и работающим женщинам, как эта помощница, он питал искреннее уважение.

— Тётушка, вы не совсем верно понимаете эти слова, — мягко пояснил Чу Цы. — Изречение вовсе не означает, что благородному мужу зазорно войти на кухню. Оно говорит о сострадании

мудреца: его сердце преисполнено жалости, и он просто не может видеть, как забивают скот.

Тётушка Чэнь и Чу Гуан замерли, поражённые этим объяснением.

— Вот оно что! — воскликнула женщина. — А я-то гадала, неужто святые мудрецы такие несправедливые? Оказывается, всё от доброты сердечной. Хорошо, что ты мне это разъяснил, а то мой старик чуть что — сразу этой фразой рот мне затыкает. Мол, позорю я его учёность... Тьфу на него!

Юноша едва сдержал улыбку. Собеседница оказалась не только расторопной хозяйкой, но и женщиной весьма бойкого нрава.

Не желая углубляться в чужие семейные неурядицы, он перевёл разговор на завтрак — традиционную «лапшу долголетия».

— Сючай Чу, я погляжу, припасов у вас вдоволь, — со знанием дела отозвалась повариха, быстро переключившись на работу. — Заправим лапшу куриным филе, да в каждую чашу добавим по яйцу. Добрый знак будет.

— Договорились. А ещё давайте замаринуем свиную голову и нарежем тонкими ломтиками — будет отличная закуска к лапше.

Первыми из гостей пожаловали тётушка Чу с супругом.

Прежний владелец тела помнил её смутно: когда ему было года два, она уже вышла замуж и покинула родной дом. Замужним дочерям не пристало часто гостить у родителей, а сам Чу Цы всё время проводил за книгами, так что виделись они лишь мельком на Новый год.

Когда с юношей случилась беда, родственница приехала из семьи мужа, привезла два лян серебра на лечение и долго утешала мать. Говорили, что родня её мужа была нрава непростого, и жизнь её там была не самой лёгкой.

— Дядя, тётушка, примите приветствие вашего племянника, — Чу Цы почтительно поклонился гостям.

— А-Цы, ты совсем поправился? — Тётушка Чу оказалась женщиной мягкой и приветливой. — Почему ты не в комнате? В такой холод не стоит стоять на улице.

Чу Цы в очередной раз подивился добрым генам своей семьи.

«На редкость покладистые люди, — невольно отметил про себя юноша. — Все, от мала до велика, отличаются кротким характером. Ни одного самодура или нелюдима, даже эта тётушка такая же».

Но не успел он закончить эту мысль, как раздался мужской голос.

— Хм, на сей раз ты хоть немного набрался ума, — изрёк дядя Чу. — Раньше только и делал, что прятался в своей норе. Увидишь старших родственников — и слова из тебя не вытянешь. А ведь мы — люди бывалые, возвращаемся в приличном обществе, знакомы с важными господами. Глядишь, когда и замолвили бы за тебя словечко.

Чу Цы лишь вежливо улыбнулся.

«Пустозвон», — мысленно наклеил он ярлык на этого родственника.

Его «высокое положение» заключалось в том, что он служил привратником в управе городка. Дядя привык величать себя «городским жителем» и свысока поглядывал на деревенскую родню. Когда Чу Цы сдал экзамен на сюаца, этот спесивец немного поумерил пыл, но зато взял в привычку поучать юношу жизни, чем изрядно досаждал прежнему владельцу тела.

— Муж мой, не стоит так говорить... — попыталась вмешаться тётушка Чу.

— Женщинам лучше помалкивать, — оборвал её муж, и та, вздохнув, ушла на кухню помогать.

— Послушай, что я скажу, — продолжал дядя. — После того случая путь к вершинам знаний тебе, верно, заказан. Может, мне пристроить тебя в городке? Пойдёшь счетоводом в лавку, хоть несколько лянов в год на пропитание заработаешь...

Чу Цы слушал вполуха. С такими людьми не стоило спорить — их отношение меняется мгновенно, стоит тебе хоть немного преуспеть. Такие «флюгеры» живут по ветру: они расчетливы и мелочны, но, по крайней мере, не держат за пазухой камня. В конце концов, те два ляна серебра тётушка не смогла бы привезти без его молчаливого согласия.

Вскоре прибыли родители Шэнь Сюнян. Увидев, что их встречает сам сюаца Чу, они даже немного растерялись. Хоть семьи и состояли в родстве, с учёным родственником они почти не общались.

Чу Цы не стал докучать им лишними разговорами и проводил в столовую, где их уже ждала невестка. Подав гостям чай и сладости, он распорядился подавать лапшу, как только тётушка Чэнь закончит с готовкой.

Старая госпожа Чу не выдержала и вышла из комнаты вместе с Сяо Юанем. На ней было новое платье, спина выпрямилась, и выглядела она сегодня гораздо бодрее и моложе обычного.

Дядя Чу буркнул приветствие и замолк, с важным видом прихлёбывая чай, словно большой сановник. Именинница, зная его нрав, не стала принимать это близко к сердцу и завела беседу с родителями невестки.

— Лапша готова! — звонко крикнула тётушка Чэнь, и Чу Гуан тут же внёс первый поднос.

Перед матушкой Чу поставили чашу с тонкой белой лапшой. Сверху была рассыпана зелень лука и нежное куриное филе, а в центре красовались два яйца. Главная особенность «лапши долголетия» была в том, что вся порция состояла из одной-единственной непрерывной нити.

— Матушка, отведайте этой лапши. Желаю вам прожить до ста лет в добром здравии, — произнёс Чу Гуан, ставя чашу на стол.

— Хорошо, хорошо! — растроганно отозвалась мать.

Она взяла палочки натруженными, мозолистыми руками и, дрожа, подцепила лапшу. Эту длинную нить нужно было втянуть целиком, не перекусывая, иначе примета считалась дурной. Хоть чаша и казалась большой, лапши в ней было ровно на одну жизнь.

Матушка Чу осторожно втягивала лапшу, и когда последняя ниточка исчезла во рту, она облегченно выдохнула.

Следом внесли большие блюда для остальных. Здесь уже не было таких строгостей: каждый мог брать сколько хотел. Рядом поставили тарелки с яйцами-пашот, ароматной свиной и маринованными овощами — в сочетании с горячей лапшой вкус был отменный.

Чу Цы не стал есть стоя, как остальные. Он наполнил свою чашу, добавил закусок и, устроившись в стороне, принялся неспешно трапезничать.

Опустошив миску, он задумался.

«У тётушки Чэнь и впрямь золотые руки, — мелькнуло в голове. — Если в доме случится ещё какой праздник, звать нужно только её».

Солнце поднялось высоко, заливая дворик золотистым светом. Гости вынесли табуреты на улицу, греясь в ласковых лучах — здесь было куда уютнее, чем в прохладном доме.

Вскоре у ворот показались новые гости. Это были два матушкиных брата с жёнами и несколькими детишками — видимо, внуками.

Юноша тут же поспешил навстречу, приветствуя дядёв и тёток. Малыши по знаку взрослых наперебой загалдели:

— Маленький дядя!

— Дядюшки, тётушки, вы проделали долгий путь. Проходите скорее к столу, матушка ждет вас.

Они прошли в дом, и начались бесконечные расспросы. Когда разговор зашел о былых временах, женщины даже прослезились. Чу Цы распорядился сварить новую порцию лапши — дымящееся угощение быстро отвлекло всех от грустных мыслей.

Больше никто не пришел. Чу Цы охватило недоумение.

«Разве у матери не было ещё сестры? — задался он вопросом. — Но раз никто о ней не упоминает, лучше расспрошу обо всём позже».

В полдень во дворе накрыли два больших стола. Сначала подали шесть холодных закусок: семечки, арахис, сушёный батат, свиную голову в маринаде, капусту с уксусом и «столетние яйца» с тофу. Число «шесть» символизировало удачу во всех делах.

Детишки крутились у столов, глядя на угощение голодными глазами, но никто не смел стянуть кусочек. Чу Цы заранее вручил Сяо Юаню сверток с солодовым сахаром, чтобы тот поделился с остальными. Со ртами, полными сладкого, дети чинно ждали начала.

— Входите скорее, время поздравлений! — позвали взрослые.

Ребятня гурьбой ввалилась в тесную столовую. Матушка Чу сидела на почетном месте, сияя от радости.

Первыми вышли Чу Гуан и Сюнян. Один держал в руках новый наряд, другая — пару туфель и носков. Они опустились на колени:

— Дорогая матушка, сын ваш Чу Гуан и невестка Шэнь Сюнян поздравляют вас с днем рождения. Желаем вам долголетия и счастья.

С этими словами они низко поклонились, коснувшись лбом пола.

Старая госпожа Чу расплылась в улыбке, велела им поскорее подняться и, приняв подарки, вручила каждому конверт с праздничными деньгами. Следом наступил черёд Чу Цы.

Он плавно опустился на колени, бережно держа футляр с украшением:

— Матушка, сын ваш поздравляет вас. Пусть каждый ваш день будет полон радости, пусть счастье ваше будет безбрежным, как воды Восточного моря, а жизнь долгой, как сосны на

Южной горе.

— Хорошо, хорошо, вставай скорее, — именинница сощурилась от удовольствия.

Она приняла подарок и вручила сыну конверт. Но едва она открыла ларец и увидела, что внутри, как невольно ахнула. Гости из любопытства потянулись поближе, и матушка показала им шпильку. Сверкающее серебро выглядело благородно и величественно.

— Матушка, это подарок от всего сердца, наденьте её сейчас же, — сказала Шэнь Сюнян.

Вчера Чу Цы уже предупредил брата и невестку, так что они не боялись, что их скромные подарки померкнут на фоне шпильки. В семье не место зависти — они понимали, что их будущее теперь неразрывно связано с успехами Чу Цы.

— Да как же... — замялась старая госпожа. — Можно ли мне носить такую красоту? Не слишком ли это для простой женщины?

В её заветном узелке хранилось лишь одно простенькое серебряное кольцо, и за всю жизнь она не видела ничего прекраснее этой шпильки.

— Конечно, надевайте! — поддержала её тётушка Чу. — Сыновья у вас почтительные, и впереди у вас ещё много радостей!

Остальные подхватили, и Шэнь Сюнян сама бережно вколола шпильку в причёску свекрови. Украшение удивительно подошло пожилой женщине: всем показалось, что она даже спину расправила.

Затем настала очередь Сяо Юаня. Он преподнес бабушке сто листов, на каждом из которых своей рукой вывел иероглиф «долголетие». Пусть почерк был ещё нетвёрдым, но старание и любовь внука растрогали матушку Чу до глубин души. Она прижала его к себе, осыпая поцелуями и называя своим сокровищем.

После обряда поздравлений все вышли во двор к накрытым столам. Чу Цы принёс из деревни вина и распорядился подогреть его для гостей. Рисовое вино не дурманило голову, но дарило приятное тепло и веселье.

Когда с холодными закусками было покончено, подали горячее. Всего десять блюд: на каждом столе красовалась половина тушёной курицы, целая рыба, свиная рулька, котелок супа из старой утки, чаша с мясными шариками «четыре радости» и тушёная капуста со свиной. Оставшиеся четыре блюда были овощными, но и они манили ароматом.

Под конец застолья тётушка Чэнь вынесла «персики долголетия» — изящные булочки в форме плодов с ярко-красным бочком. Внутри была нежная паста из красных бобов, сладкая и

тающая во рту.

Аромат вина и мяса плыл над двором. Сельские ребяташки с любопытством заглядывали в ворота, и семья Чу не стала их прогонять. Напротив, юноша вынес им оставшиеся сладости, и вскоре счастливая детвора разбежалась, сияя улыбками.

Нужно признать, что этот праздник заставил всю деревню говорить о семье Чу с уважением. Даже придирчивый дядя Чу не нашел к чему придраться и только нахваливал угощение.

Когда шумный день подошел к концу, Шэнь Сюнян расплатилась с тётушкой Чэнь, вручив ей шестьдесят монет и собрав с собой немного оставшихся яств.

Та, сияя от счастья, сказала невестке:

— Хозяйка Чу, когда в вашем доме снова будет праздник, непременно зовите меня!

<http://bllate.org/book/15354/1417539>